XX 63 П

МУРЗИЛКА

№6

1969 июнь

Журнал ЦК ВЛКСМ и ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА для ОКТЯБРЯТ

Рис. Ю. МОЛОКАНОВА

1×1=

6 июня 1969 года исполняется 170 лет со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича ПУШКИНА.

У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЁНЫЙ

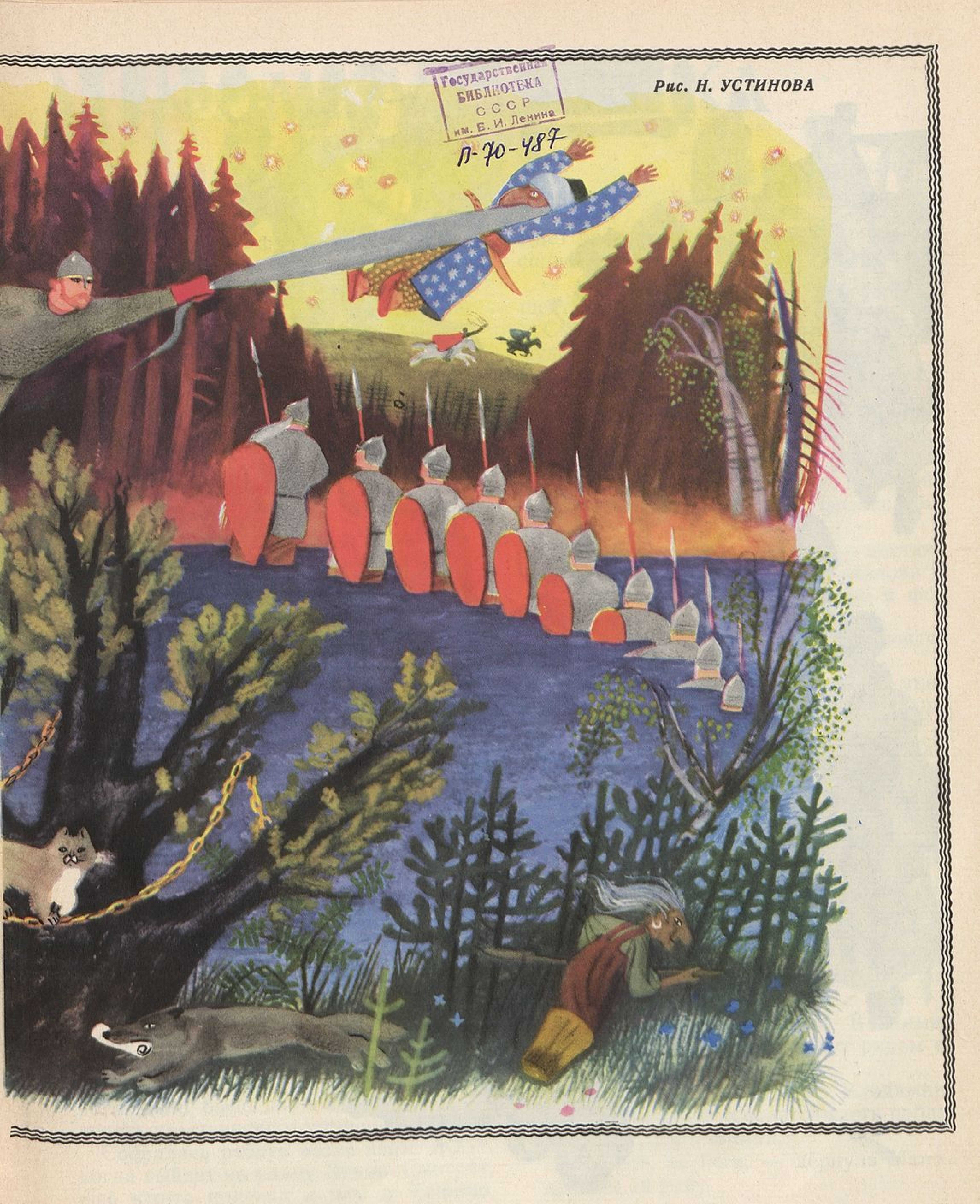
А. С. ПУШКИН

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой;
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет:
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил.

Рис. Н. УСТИНОВА

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
П-70-487

ФОМКА И НЮТКА

Сергей ***АЛЕКСЕЕВ***

Рис. В. ГАЛЬДЯЕВА

Не послушался Фомка совета Нютки. В первый раз не послушался... Крестьяне села Кашино построили электростанцию. Строили дружно, все вместе. Электростанция хоть и маленькая, зато первая в тех местах. Появились в деревне столбы. К домам провода протянулись.

Радость у всех огромная.

— Первая! — торжествуют крестьяне. — Построили! Своими руками. Вот оно как!

Пригласили кашинцы на открытие электростанции Владимира Ильича.

Согласился Ленин. Собрался он в Кашино вместе с Надеждой Константиновной Крупской.

— Интересно, на чём же они приедут? — стал прикидывать Фомка. — Телегу за ними небось пошлют.

— Телегу! — усмехнулась Нютка, посмотрела на Фомку. — На автомобиле они прибудут — во!

Верно. Гости приехали на автомобиле.

Хорошо их встретили в Кашине, с оркестром.

— Сейчас «Интернационал» заиграют, — сказала Нютка.

Верно: сыграли «Интернационал».

Нютка всё знала. Была она старше Фомки, смышлёнее и умнее. Ходил Фомка за Нюткой, словно телок. Во всём слушался.

— А теперь их в избу поведут, — вновь объясняет Нютка.

И опять не ошиблась девчонка. Гостей повели в избу — погреться с дороги, дело было глубокой осенью, отведать крестьянского угощенья.

Собрались ребята возле избы. Ждут, когда выйдет на улицу Ленин. Смотрят, ещё кто-то приехал к ним в Кашино. Идёт по улице человек, ящик висит за спиной, в руках у него тренога.

— Ой, что будет, что будет! — зашептала Нютка на ухо Фомке.

Смотрит Фомка на Нютку: что такое будет?

— Фотограф приехал, — сообщила Нютка.

И правда, из города Волоколамска приехал фотограф. Подошёл он к избе, стал расставлять треногу.

Глазеют ребята. Им такое впервой. А Нютка уже снималась. В Волоколамске она бывала.

— Когда будут сниматься, — наставляет приятеля Нютка, — становись в первый ряд. Норови поближе к фотографу. Никто не заслонит.

Кивает Фомка, мол, как же, конечно, мол, понял.

— Не торопись. Выжди, — не унимается Нютка. — Пусть раньше другие сядут.

Вышли Владимир Ильич и Надежда Константиновна из избы, попали прямо в руки к фотографу.

Не любил Владимир Ильич фотографироваться. Но тут согласился.

— Только все вместе, — сказал крестьянам. — Общей давайте группой.

Притащили кашинцы лавки, скамейки. Расселись. Вместе со всеми сунулись было дети.

— Кыш, кыш! — закричали на них крестьяне.

— Зачем же, — сказал Владимир Ильич, — пусть и дети будут рядом со всеми.

Бросились ребята к Владимиру Ильичу, каждый старается сесть поближе. Рванулся и Фомка.

— Стой, не беги, — дёрнула Нютка дружка за руку.

Ослушался Фомка. Не удержался на месте. Побежал он со всеми и в общую кучу бухнулся.

А Нютка выждала. Потом важно уселась впереди всех на самом открытом месте.

— Внимание! — крикнул фотограф. — Раз, два, снимаю! Готово!

До вечера пробыл Владимир Ильич в Кашине. Походил по селу, выступил на крестьянском митинге, посмотрел, как зажёгся электрический свет.

— Чудеса, поистине чудеса! — восхищался электростанцией Ленин. — Прекрасный пример! Вот что значит, когда люди вместе берутся за общее дело. В этом огромная сила!

— Одобряет, — шептались крестьяне. — Оно же точно: когда все разом — сила людская множится.

Простился Владимир Ильич, пожелал крестьянам успехов, уехал.

Уехал и волоколамский фотограф. А через несколько дней прислал он крестьянам снимок.

Собрались крестьяне. Отличная фотография — ясная, чёткая. Вот Владимир Ильич сидит, вот рядом с ним Надежда Константиновна, вот дед Курков, вот Родионов, Семёнов, старуха Кашкина, другие крестьяне. А вот и ребята — все вместе, все рядом. Много их. Если считать — собьёшься.

Ищет каждый себя. Ищет и Нютка.

«Ну, — думает, — я на самом видном, на главном месте».

Смотрит Нютка. Нет Нютки. Вместо девчонки — край платка у обреза тёмным бугром торчит.

Не попала на снимок Нютка.

А Фомка попал. Если глянуть на фотографию, сидит он по самому центру. Только отцовская шапка чуть на глаза наехала. Не успел впопыхах шапку поправить Фомка.

Не послушался Фомка Нютки. Захотел быть со всеми. Не ошибся. Правильно Фомка сделал.

ДОКТОР ЛЕБЕДЕВ

Валентин БЕРЕСТОВ

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

К нам доктор Лебедев пришёл.
Он шляпу снял. Он сел за стол.

Не понимая ничего,
Мы с братом смотрим на него.

Он без халата. Он с женой.
Он не спросил: «А кто больной?»

Никто не раскрывает рот,
Когда он ложечку берёт.

Он просто гость.
Но странный гость,
Который видит всех
Насквозь!

Травы на первой строчке.
А на второй — ветерок.
На третьей, на мягкой кочке
Весёлый сидит мотылёк.
Он красный, и чёрный, и синий.
На крылышках — жёлтый глазок.
Сурен МУРАДЯН
МОТЫЛЁК
Рис. В. ДМИТРЮКА
Тут, на седьмой строчке,
Видишь, сидят пауки.
Хотят схватить мотылёчка,
Да руки у них коротки.
А кто это там крадётся
На одиннадцатой строке?
Гримасничает, и смеётся,
И держит сачок в руке?
Вдруг на пятнадцатой строчке
«Спасайся!» — скворец просвистел.
Придётся поставить точку:
Наш мотылёк улетел.
Перевела с армянского И. ТОКМАКОВА

УПРЯМАЯ ШИВЕРКА

Александр СТАРОСТИН *Рис. В. ЛОСИНА*

Нас было пятеро охотников: старик Акимыч, я, Барбоска, Шиверка и Ульф. Мы жили в тайге и промышляли соболя и белку. Барбоска, Шиверка и Ульф отыскивали зверька, загоняли его на дерево и лаяли, пока мы не подойдём. Потому они и называются промысловыми лайками: на зверя лают.

Без собаки в тайге делать нечего. Человеку кажется, что кругом тишина и нет никого. А собака слышит много всяких голосов. Ты уронишь спичку — собака и это услышит. А её чёрный блестящий нос видит сквозь дерево. Посыпалась снежная пыль — собачьи уши повернулись, нос зашевелился — это взлетела кедровка. Собака молчит. Птица нам не нужна. Под землёй кто-то зашевелился — собака остановилась, воткнула морду в снег по самые глаза — это мышь. Мыши нам тоже не нужны. Но вот мягкие лапы осторожно переступили с ветки на ветку — и собачий нос увидел соболя.

— Здесь! Здесь! — радостно закричала собака. И мы спешим на звонкий голос нашего товарища.

Но без человека и собаке нечего делать в тайге: стрелять-то она не умеет.

Нашей лучшей собакой была трудолюбивая, старательная Шиверка. Но у неё был один недостаток. Она любила поиграть убитым зверьком. Схватит, убежит и играет, шкурку портит. А из-за шкурки-то мы и бьём зверя. Это наша работа.

Если же она видит, что ты первым схватишь убитого зверька, то говорит:

— А я и не очень хотела!

И даже не глядит в твою сторону.

Как-то я разозлился и отхлестал Шиверку отнятой у неё белкой. Да так отхлестал, что шкурка уже никуда не годилась.

Шиверка обиделась, но работала по-прежнему старательно. Она была настоящим охотником.

Вечером, когда на небе зажглись звёзды, мы вернулись с охоты и первым делом принялись готовить ужин для собак. Разложили костёр, подвесили котелок, сами сели поближе к теплу. Оранжевый огонь костра освещал столпившиеся вокруг нас деревья и дрожал в собачьих зрачках. А дальше лес стоял в голубом лунном свете и дымился от мороза.

Я заметил, что с нами нет Шиверки. Где же она? Я сказал об этом Акимычу. Но он ничего не ответил.

«Обиделась», — подумал я.

Старик как будто услышал, о чём я думаю, и сказал:

— Ничего. Сахарцу, однако, дай — всё забудет. И шкурку портить не станет.

В котелке забулькало. Я поднялся с чурбака, на котором сидел, и пошёл искать Шиверку. Она лежала около своей конуры на снегу и даже не глянула на меня.

— Шиверка, — позвал я, — что с тобой?

Её хвост не шевельнулся. Она поглядела на меня, как на пустое место, и ответила:

— Ничего.

— Пойдём к костру.

— Нет, мне и здесь хорошо. На снегу.

— Может, ты обиделась? Но ты сама виновата.

— Нет, не обиделась. Просто мне хочется лежать здесь. На снегу.

Я вернулся к костру. Мы сняли котелок, поставили в снег, чтобы остудить. Барбоска и Ульф подобрались к нему поближе и внимательно следили, как бы их любимый котелок не убежал.

Потом я разлил собачий ужин в лохани, выдолбленные из дерева как корытца, и Барбоска с Ульфом бодро зачавкали. Только Шиверка равнодушно глянула на свою лохань и отвернулась.

— Что с тобой? — спросил я.

— Я не голодна. Не хочу. Спасибо.

Акимыч махнул рукой и сказал:

— Ничего. Голод не тётка. Дурь-то вышибет...

Ещё по-тёмному мы поднялись, разогрели остатки вчерашнего ужина, поели. Я подошёл к лохани Шиверки — там всё замёрзло. Я глянул на её след — он кончался под нею. Значит, она так и пролежала всю ночь на одном месте. Её шерсть покрылась инеем, она хлопала своими белыми от инея ресницами — внимательно рассматривала пенёк. А меня как будто и не видела.

— Может, ты заболела? — спросил я и потрогал её нос.

— Нет, всё хорошо, — ответила Шиверка.

Мы встали на лыжи и двинулись на промысел.

В этот день Шиверка работала хорошо, как всегда, и загнала двух соболей. Если мы прошли на лыжах двадцать вёрст, то она пробежала все сто. И была впереди.

А Барбоска и Ульф плелись сзади, по лыжне.

— Что на пятки наступаете? — спросил я их.

— Устали мы! — закрутили они хвостами и полезли ласкаться.

— Бездельники! — сказал я.

Псы пуще прежнего заработали хвостами и заулыбались. Они были согласны, что бы я ни сказал им. Но работать не хотели.

Вечером Шиверка улеглась около своей конуры, и вчерашняя история повторилась. Собака отказалась от ужина.

Я отнёс её на руках в зимовье, посадил на свои нары и дал сахару.

— Не хочется, — вздохнула Шиверка, глядя на сахар мутными глазами.

Я положил перед нею кусок мяса из своей тарелки, и мы с Акимычем вышли из зимовья.

«Сейчас-то не выдержит, поест!» — подумал я и стал глядеть в щёлку. Но Шиверка отвернулась, положила голову на лапы и сделала вид, что заснула.

Я вернулся и засунул ей в рот сваренную голову белки. Но она выплюнула. Я настаивал на своём.

— Ну что ж, — сказала она, — если хочешь, чтоб голова была в моей пасти, пусть так будет. И вообще я хочу погулять.

И я выпустил её на холод. А ведь раньше она любила посидеть в зимовье и послушать наши разговоры.

«Ладно, хоть это съест», — подумал я.

Утром я нашёл нетронутую голову. По следам я понял, что бездельник Барбоска подходил к ней, но Шиверка отогнала его. И ещё я определил по следам, что она не побиралась по чужим лоханям.

А работала по-прежнему старательно и загнала трёх соболей...

Вечером она сказала:

— Нет, спасибо. Я не голодна. Я лучше так полежу. На снегу.

Я был в отчаянии. Лучшая собака могла умереть с голоду!

— Акимыч, — сказал я, — ты старый охотник и много знаешь. Скажи, что делать.

Акимыч долго курил, косил глазами на огонёк трубки, ждал.

— Сам думай, — наконец выговорил он, — ты молодой. Тебе надо знать жизнь. А как узнать? Думай своей головой, не чужой.

— А ты знаешь, что делать?

— Я всё знаю, — сказал старик.

«Пока я додумаюсь, собака умрёт с голоду!» — подумал я, но вслух не сказал ничего.

— Не умрёт, — успокоил меня старик: он знал, о чём я думаю.

Ночью я не спал. Ворочался, курил, всё думал. Только к утру задремал. (И приснилось мне, что Шиверка умерла. И мы несли её гроб, выдолбленный корытцем, и за нами печально шли бездельники Барбоска и Ульф. Но тут же меня стали трясти, я открыл глаза — меня будил Акимыч. За стеной тонко завывал ветер.

— Вставай, долго спишь, — сказал Акимыч.

— Шиверка не умерла? — спросил я, протирая глаза.

— Она умрёт на работе. У конуры не умрёт.

И тут я догадался, что делать. У меня даже руки затряслись от нетерпения. Но я молчал.

После завтрака я вырубил палку, к ней приделал ремённую петлю и привязал Шиверку к зимовью. Если б я её привязал без палки, она бы перегрызла ремень и убежала.

— Хочешь бить? — спросила она. — Пожалуйста!

— Нет, зачем же зря бить, — сказал я.

— А то бей. Мне всё равно.

И с этой минуты я сделал вид, что не замечаю её.

Мы не спеша собрались и свистнули собак. Шиверка заволновалась. А я взял да на незаряженном ружье взвёл курок. Шиверка не могла равнодушно слышать этого щелчка. Он её волновал, как хорошего человека хорошая музыка. (Ведь за щелчком всегда следует выстрел. А для настоящей промысловой лайки нет другого счастья, чем видеть, как загнанный ею зверёк падает в снег. Такая у неё работа.)

Акимыч покосился на меня и тоже взвёл курок. И Шиверка завыла. Я поглядел на неё через зеркальце. И куда только делось её упрямство! Она скакала, как по раскалённой плите, задыхалась, падала на спину и болтала в воздухе лапами. И плакала настоящими собачьими слезами. Она хотела на охоту. Но я решил быть стойким, и мы медленно уходили без неё...

Вечером я отвязал её и принялся готовить ужин. Она легла у костра и не спускала с меня глаз. А её хвост поднимал снежную пыль. Я не глядел в её сторону.

Потом принёс лохани и разлил собачий ужин. Теперь Шиверка не отставала от своих прожорливых товарищей-бездельников. Она даже стала вылизывать лохань так, что та вертелась. Шиверка боялась, что её не возьмут на охоту. На радостях мы отдали ей два последних куска сахару.

Мурзилка в пионерском лагере

Рис. Г. ОГОРОДНИКОВА

«МУРЗИЛКА» И «ДИ АБЦ-ЦАЙТУНГ» — ДРУЗЬЯ

«Мурзилка» и «Ди АБЦ-Цайтунг» — давние друзья. Это и понятно. Ведь журналы эти издаются для детей двух дружественных стран — Советского Союза и Германской Демократической Республики. Вот редакции и решили: познакомим-ка мы маленьких немцев с рисунками русских художников, сотрудников «Мурзилки», а русским ребятам покажем рисунки из «Ди АБЦ-Цайтунг». Картинки ведь можно «прочитать» и не зная языка. Маленькие читатели наших журналов, рассматривая рисунки, узнают о жизни своих зарубежных друзей.

И вот в Москве, в Доме пионеров Ленинского района, открылась выставка рисунков из «Ди АБЦ-Цайтунг». Посмотрели её ребята всех окрестных школ. А несколько картинок с этой выставки мы поместили в журнале, чтобы все наши читатели могли ими полюбоваться.

В мае этого года пионеры и школьники из Германской Демократической Республики увидели в Берлине рисунки художников «Мурзилки».

Рис. Дагмар КУНЦЕ к русской народной сказке.

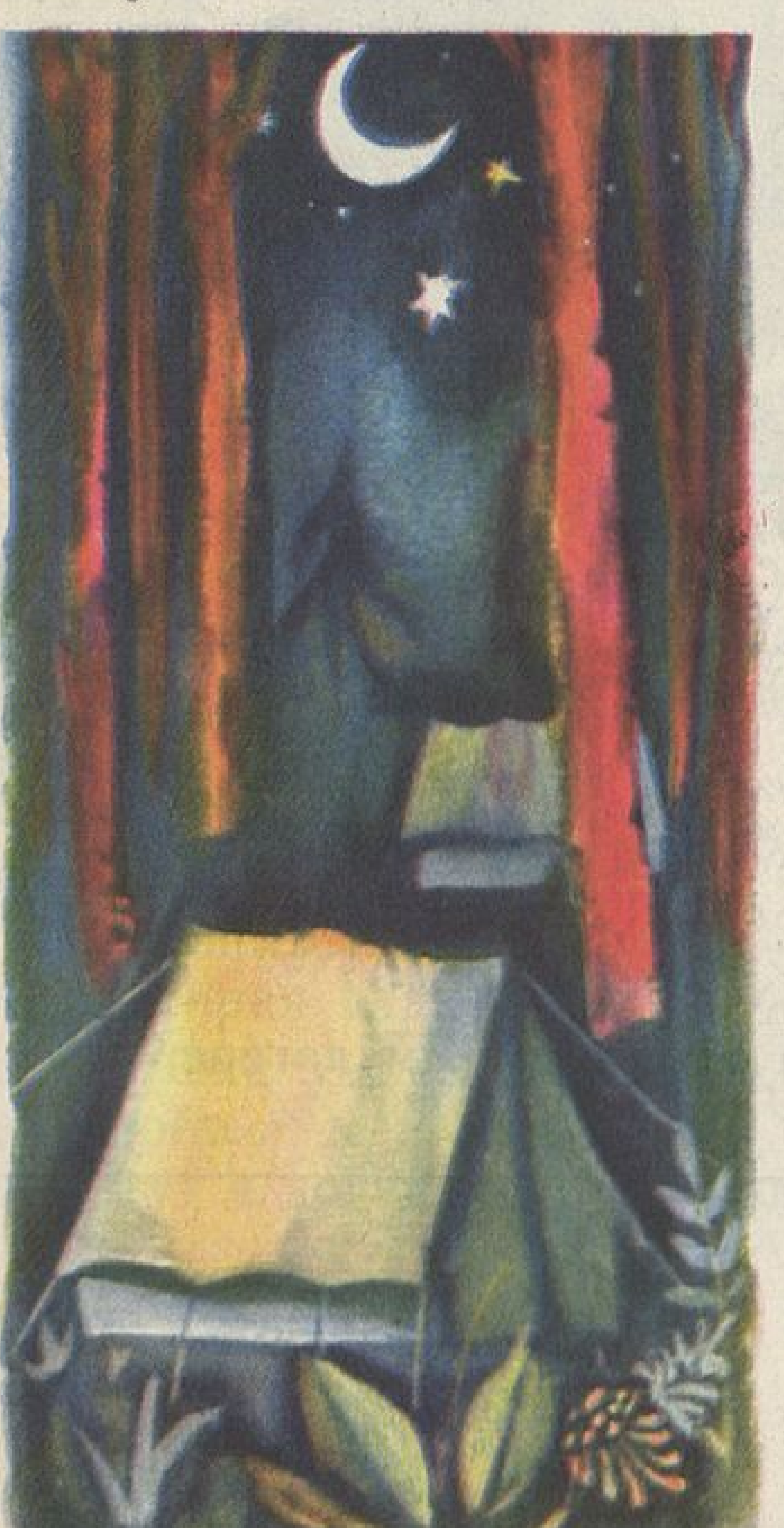

Рис. Ханса БЕТКЕ. Пионерский лагерь в лесу.

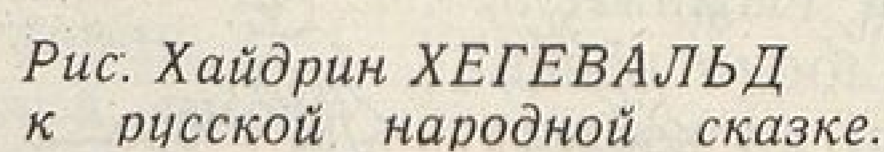

Рис. Хайдрин ХЕГЕВАЛЬД к русской народной сказке.

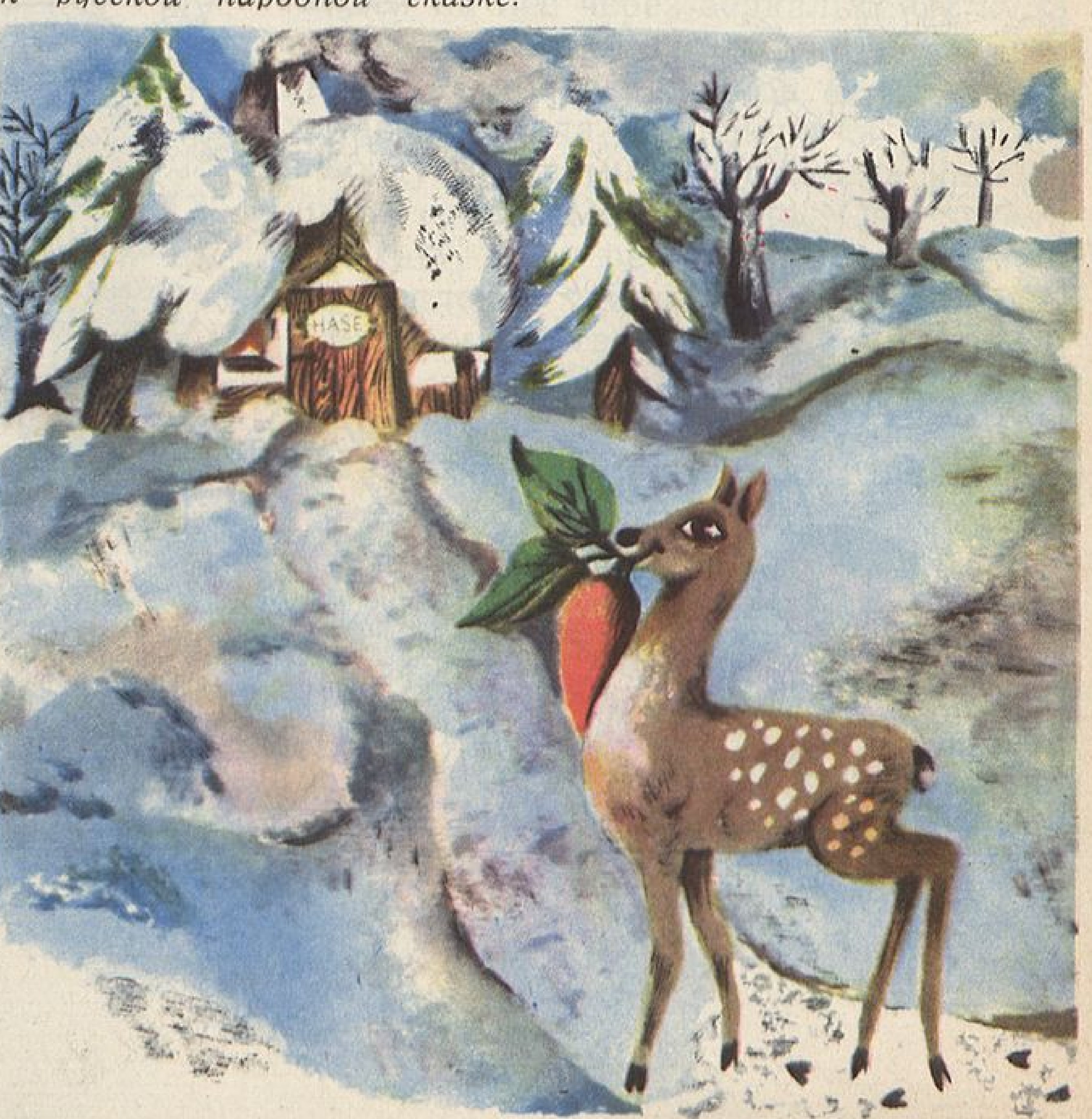

Рис. Инги ФРИБЕЛЬ
к рассказу о мальчике Йонасе
и камбале Фанни.

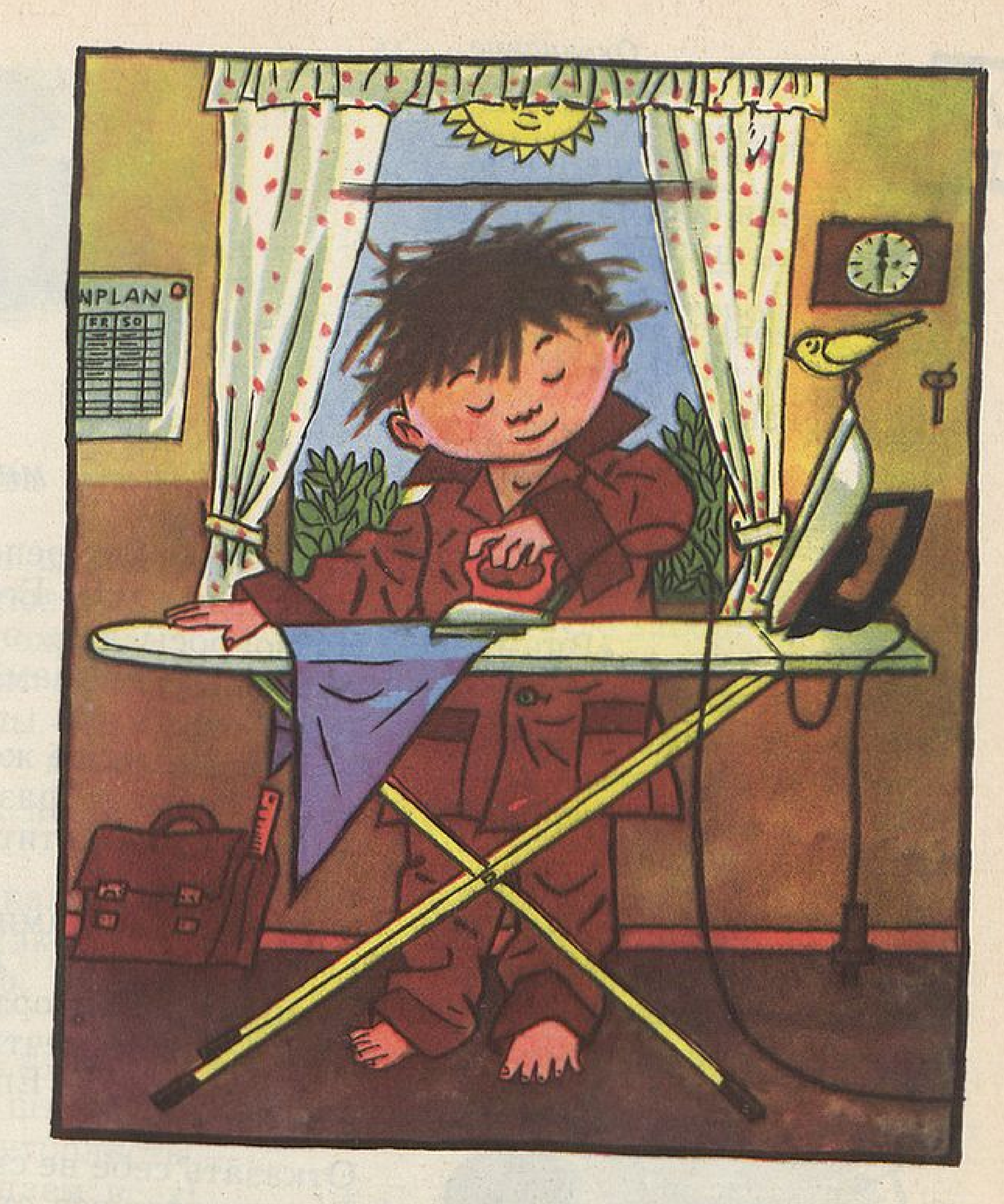

Рис. Вернера КЛЕМКЕ.
Начало учебного года.

Рис. Инги ФРИБЕЛЬ.
Весёлые каникулы.

ДЯДЯ СТ

Окончание

Сергей МИХАЛКОВ

День за днём,
из года в год
Дяди Стёпин сын растёт.
Краснощёк, широк
в плечах,
Ходит в первых силачах.
Коренаст и мускулист
Всеми признанный
штангист.

Первый день
соревнованья.
В зале слышится:
«Вниманье!
Выступает «средний вес»!»
На помост Егор выходит,
Люди глаз с него
не сводят,
Проявляют интерес.

В этом зале не впервые
Бьют рекорды мировые —
И медали золотые
Выдаются мастерам.

В этот раз рекорд Европы
Бьёт сынишка дяди Стёпы:
Поднимает,
Выжимает...
ТРИСТА ТРИДЦАТЬ
КИЛОГРАММ!

От такой большой удачи
Дядя Стёпа чуть
не плачет,
Шепчет на ухо жене:
— Я, Маруся, как во сне...

Чемпиону сразу дали
Золотые две медали.
Позвонили из газет:
Срочно требуют портрет.

Два заморских репортёра
Просят вежливо Егора
На вопросы дать ответ.
— Сколько лет вам?
— Двадцать лет.
— Ваше главное желанье?
— Получить образованье.
— Кем же вы хотите
стать?
— Между звёздами
летать! —
Улыбнулись репортёры:
— Вы умеете мечтать?
— Да! — сказал Егор. —
Умею.
Отказать себе не смею!
Так мечтает вся страна,
Вся семья большая наша...
Познакомьтесь, мой
папаша —
Милицейский старшина!

Репортёры поклонились,
По-английски извинились
И, закрыв магнитофон,
Быстро выбежали вон.

Порт открыт
международный —
Порт воздушный,
а не водный.
Новый аэровокзал.
Пассажиров полный зал.

Через каждую минуту
Отлетают корабли —
Тот в Гавану,
тот в Калькутту,
На другой конец земли.

ЁПА и ЕГОР

Рис. Е. МИГУНОВА

Как небесные принцессы,
Пробегают стюардессы.
Пограничная охрана
На своих стоит постах:
Ставит штампы
в иностранных
И в советских паспортах.

У людей в руках билеты,
И букеты, и пакеты.
Громкий говор. Шутки.
Смех.
Только это не туристы,
А гимнасты, и штангисты,
И, конечно, футболисты —
Мы отлично знаем всех!
Все они по именам
С детских лет знакомы
нам...

Провожают мамы, папы,
Дяди Коли, тёти Капы,
Внуки, дочки, сыновья —
Есть у каждого семья!
На прощанье все подряд
Вперемешку говорят:

— Побежишь —
не оступись,

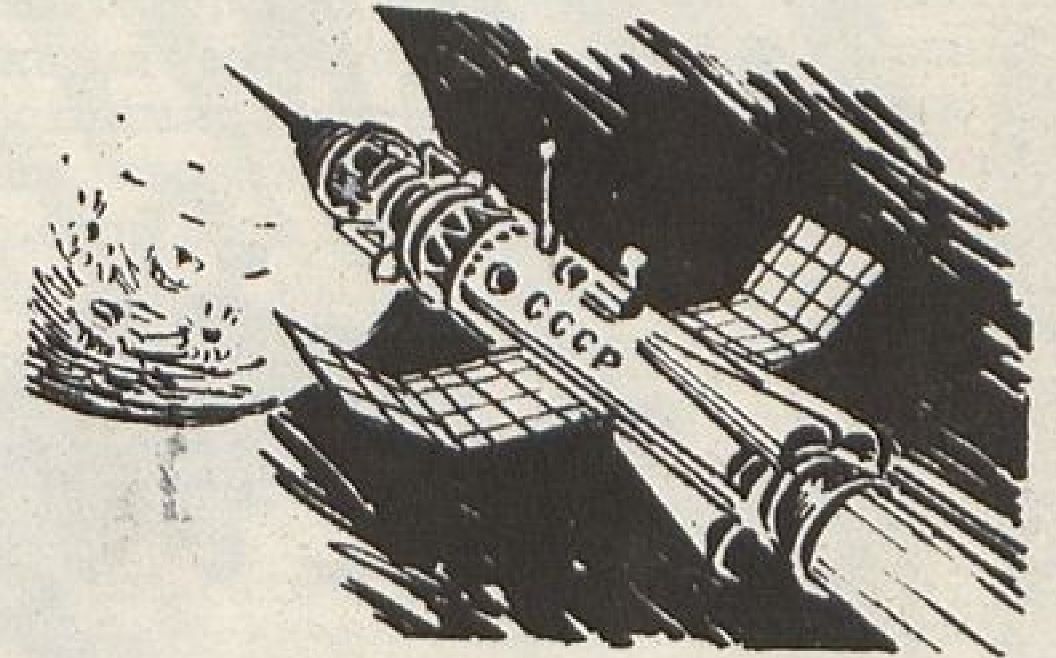
Прибежишь —
не простудись!
— В каждом деле нужен
опыт,
Чтобы зря не тратить сил...
С сыном шутит
дядя Стёпа:
— Штангу дома не забыл?

Миновали три недели.
— Прилетели?
— Прилетели!
— Как летели? Не устали?
— Всё в порядке!
— Где медали? —
Голоса со всех сторон...
— Здравствуй, сын!
— Здорово, папа! —
Дяде Стёпе крикнул с трапа
Олимпийский чемпион.

Есть у нас малоприметный
Городок полусекретный,
А вокруг него забор.

Среди лётчиков военных —
Испытателей отменных —
В городке живёт Егор,
Он по званию майор.

Сильный, смелый
и серьёзный,
Он достиг своей мечты
В изученьи дали звёздной,
В покореньи высоты.

Чтобы выполнить заданье
На ракетном корабле,
Неземные испытанья
Проходил он на Земле.

И однажды утром рано
Мы услышим в тишине:
«Космонавт Егор Степанов
Прилунился на Луне!»

То-то будет сообщенье:
«ПРИЛУНИЛСЯ! НА ЛУНЕ!»
То-то будет восхищенье!
И в Седьмое отделенье
От министра поздравленье
Дяде Стёпе — старшине!

Морис КАРЕМ

Рис. Л. ТОКМАКОВА

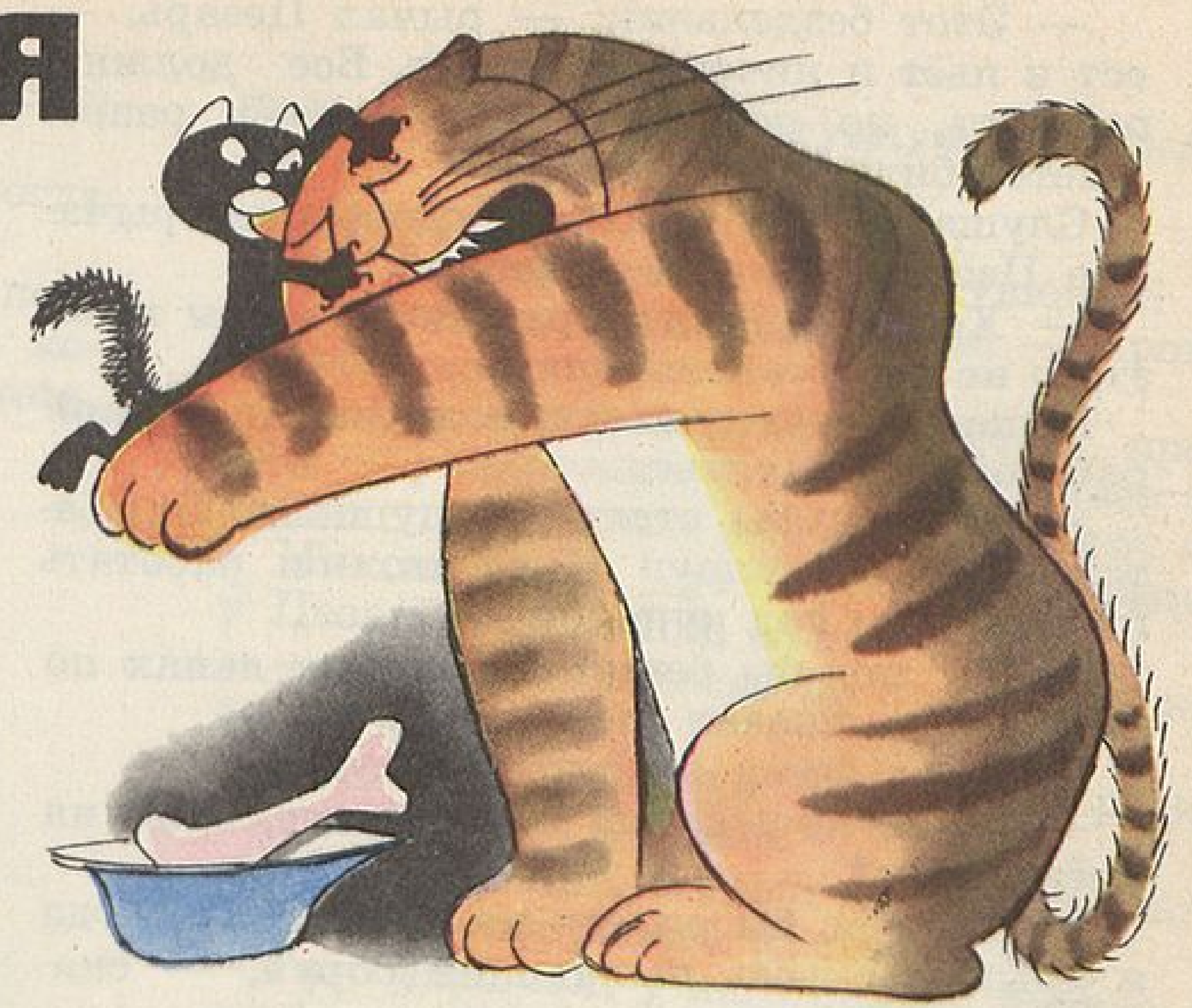
В ТРАВЕ

На меня ползёт козявка,
Будто я какая травка,
И садится мотылёк,
Будто я какой цветок,
И кузнечики на майке
Скачут, будто на лужайке,
И шмели ко мне летят,
Будто мёд найти хотят,
И зачем-то муравьишки
Забираются под мышки,
И влезают в башмаки
Деловитые жуки.
Подползают,
Подлетают
Неизвестно почему.
Кем они меня считают —
Совершенно не пойму!

Вольный перевод с французского В. БЕРЕСТОВА

6:2X6=

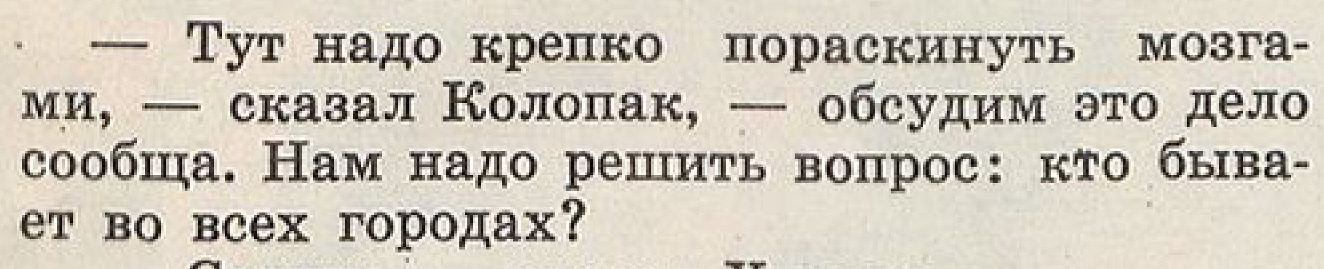
ПРИКЛЮЧЕНИЯ *кота* Микоша

Продолжение

Юрий БРЕЗАН

Рис. В. ЧИЖИКОВА

— Тут надо крепко пораскинуть мозгами, — сказал Колопак, — обсудим это дело сообща. Нам надо решить вопрос: кто бывает во всех городах?

— Солнце, — сказал Хассан.

— Дождь, — сказал Юмбо.

— Цирк, — сказал Омар.

Клоун Колопак весело рассмеялся, и Юмбо, Хассан, Омар и даже маленький Микош повеселели и тоже стали смеяться.

— Может ли солнце доставить домой нашего чёрного друга, маленького кота? — спросил Колопак.

— Нет, солнце этого не может, — ответили звери.

— Может ли дождь выплеснуть нашего дурачка в его родной город?

— Нет, дождь этого не может, — ответили звери.

— А может ли цирк доставить нашего друга в его родной город?

— Да, цирк может! — хором ответили звери.

И тут клоун Колопак запел:

Цирк колесит по всей земле
И знает все пути-дороги,
И каждый город ему знаком,
И каждый город ему свой дом.

Не вешай носа, мой малыш,
Домой вернёшься непременно!
И хоть бы ты попал в Париж,
И хоть бы ты заехал в Вену,
Не вешай носа, мой малыш,
Домой вернёшься непременно.

Клоун Колопак кончил петь и сказал:

— Прыгай вниз, маленький Микош! Будешь ездить с цирком до тех пор, пока мы не приедем в твой родной город.

Лев Хассан зарычал, слон Юмбо затрубил, а верблюд Омар закашлялся от радости.

Цирк давал представление в большом городе Праге, в большом городе Брно и ещё во многих городах, маленьких и побольше. Он колесил со всеми своими вагонами, со всеми своими зверями — лошадьми и верблюдами, слонами и львами — по всей стране. С ними был маленький кот Микош. Он получал еду и молоко и спал в вагоне, где жил клоун Колопак. Но лучшим другом Микоша оставался лев Хассан.

Когда тоска по родине становилась невыносимой, Микош вбегал в клетку к Хассану и ложился рядом со львом.

Дети и взрослые ходили между рядами клеток, разглядывали цирковых зверей. Перед клеткой Хассана они задерживались, толпились, напирая друг на друга, обменивались впечатлениями.

— Поглядите только! Большой лев и маленький чёрный кот мирно спят вместе!

Но Хассан и Микош не спали. Хассан шёпотом говорил своему другу:

— Мы непременно попадём в твой город. Это точно!

Микош глубоко вздыхал и ещё сильнее прижимался к своему большому брату.

Среди цирковых зверей жил тигр Цезарь. Он был стар, злобен и мстителен. Единственный зверь во всём цирке, который терпеть не мог Микоша.

— Этот бездельник, — рычал Цезарь, — ест и пьёт и ничего не делает. Все должны работать, но почему-то ему одному разрешается бить баклуши.

Слушая в который раз недовольное рычание Цезаря, Микош вскипел:

— Хорошо! Я буду работать, но ты из-за этого не перестанешь злиться.

Микош посоветовался с друзьями, какой работой ему заняться.

— Ты мог бы стать воздушным акробатом, — сказал клоун Колопак, — и работать на трапеции под куполом.

— Ты мог бы бегать на задних лапах по манежу, — сказал слон Юмбо.

Верблюд Омар предложил:

— А не хочешь ли ты скакать, стоя на моём горбу?

— Ты мог бы сидеть на моей шее, когда я прыгаю сквозь пылающий обруч, — сказал лев Хассан.

— Это я и буду делать! — решил Микош.

В тот же вечер кот впервые выступил как артист цирка.

На могучей шее льва, вцепившись в его густую гриву, маленький чёрный, как уголёк, Микош въехал на арену цирка. Музыка смолкла. Только усиленный барабанный бой словно возвещал:

— Внимание! Большой аттракцион!

Дрессировщик зажёг обруч, ярко запылало огневое колесо. Лев изогнулся. Микош на шее у льва тоже приготовился, дрессировщик крикнул:

— Алле-хоп, Хассан!

Зрители затаили дыхание.

Хассан прыгнул сквозь пылающий обруч, а с ним вместе прыгнул Микош... И вот уже лев Хассан снова спокойно сидит на своей высокой тумбе, а на его шее — храбрый, мужественный кот Микош.

Гремела музыка, зрители хлопали до боли в ладонях. Гордым, размеренным шагом прошли по манежу два цирковых героя.

В тот же вечер клоун Колопак вручил Микошу диплом циркового артиста первого класса за подписью самого директора цирка.

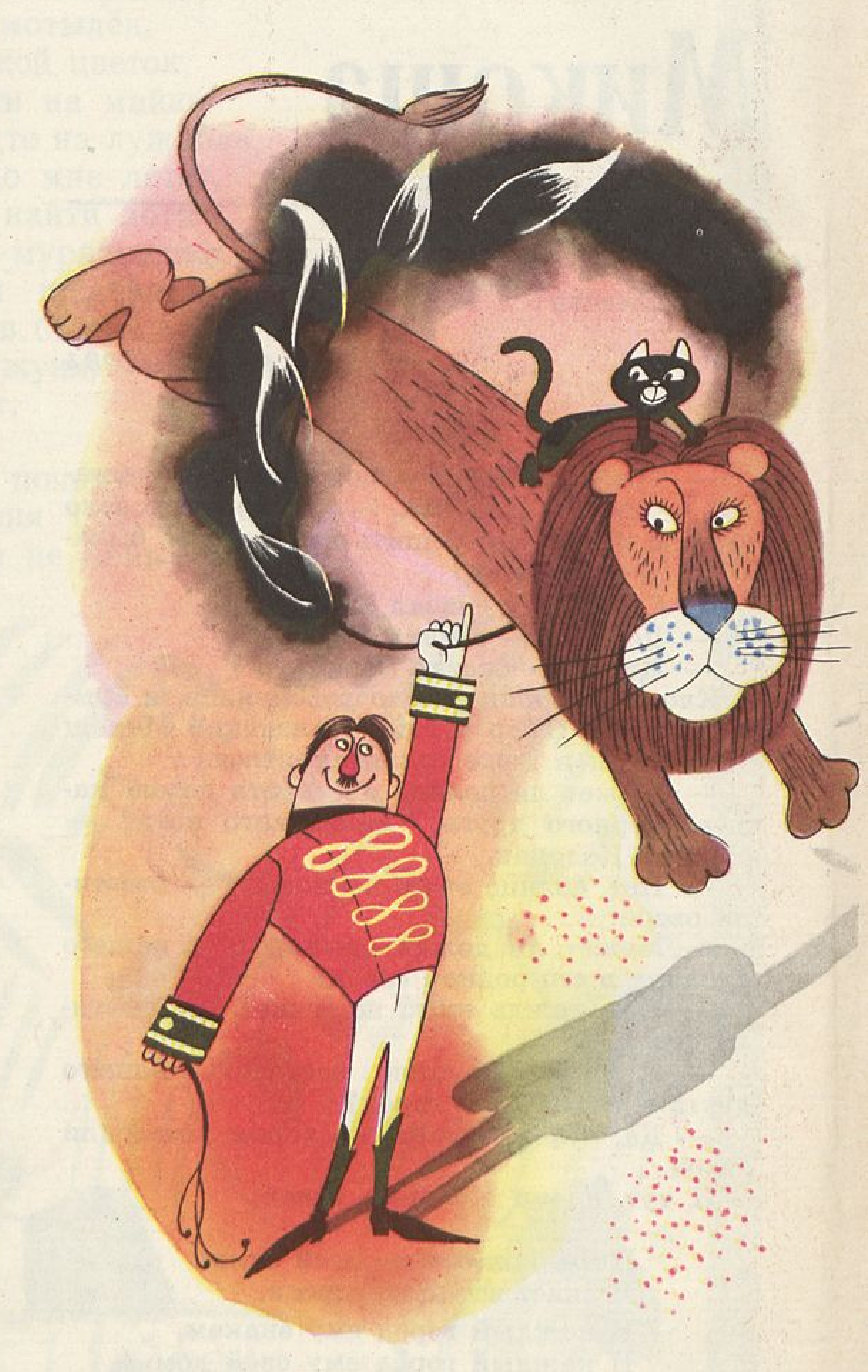
Микош чуть не лопнул от гордости. Все артисты цирка сердечно поздравили его и пожелали успеха.

Только тигр Цезарь злился и яростно кусал кончик собственного хвоста. Всю ночь Цезарь не мог уснуть, он мучительно думал о том, как уничтожить Микоша. И наконец, придумал подлую штуку.

Цезарь уже давно ездил с цирком. Он трижды побывал в Братиславе и точно знал, что по дороге в Венгрию им придётся переезжать через большую реку Дунай. В эту большую, широкую реку Цезарь и решил выбросить кота, пусть утонет.

Как только взошло солнце, цирк выехал из города; Микош ходил по вагонам и по зову Цезаря зашёл к нему в клетку.

В этот момент поезд въезжал на мост,

а под ним катил свои волны Дунай — могучая бурливая река.

— Присаживайся поближе, дружок! — поманил Микоша тигр.

Но Микош из предосторожности сел на почтительном расстоянии.

10:2X4=

— Я тебя и так хорошо слышу, — сказал кот.

— Ладно, — прохрипел тигр, — тогда я подсяду к тебе.

Он встал, сделал шаг. Микош увидел полные ненависти глаза, и его маленькое кошачье сердчишко затрепетало от страха.

Но выйти из клетки он уже не мог, тигр преградил ему путь.

— Так легко я не дам себя убить, — зашипел Микош и приготовился к борьбе.

Тигр поднял правую переднюю лапу, нацелился и со всей силой ударил, но не попал, только больно стукнулся о железные прутья.

Разъярённый, он зарычал:

— Я сожру тебя, как лягушонка!

— Раньше поймай меня! — прошипел Микош.

— Не беспокойся, это сейчас произойдёт! — рявкнул тигр и снова бросился на кота, но угодил лишь в то место, где кот сидел.

Микош ловко увернулся и, очутившись у Цезаря за спиной, крикнул:

— Поторапливайся, не то у тебя ничего не получится!

Тигр снова прыгнул, но Микош проскользнул у него под брюхом.

— Осторожно, старый драчун, — съязвил Микош, — не разбей клетку.

Тигр зарычал, у него сильно болела лапа, он был взбешён — река давно осталась позади.

— Уж если мне не удалось утопить тебя, я разотру тебя в порошок! — вопил он.

— Раньше поймай меня! Поймай!.. — пропел Микош и стал прыгать и носиться по клетке, каждый раз в последнюю секунду увиливая от беспощадной тигровой лапы.

Микош осмелел, стал неосторожен. Он так расхрабрился, что даже прыгнул тигру на шею и укусил его за ухо.

Но старый Цезарь был хитёр и коварен. Он притворился умирающим, стал выть, и причитать, и всё медленнее подымать свою лапу.

Микош прыгал вокруг тигра, искоса поглядывая на него.

Вдруг когтистая тигровая лапа настигла кота с такой силой, что он отлетел к железным прутьям клетки, вывалился из вагона, покатился по острым камням и остался лежать под насыпью.

Придя в себя, Микош увидел вокруг много лошадиных копыт и голов. «Уж не умер ли я?» — подумал он.

В правой передней лапке кот почувствовал острую боль. Он попытался встать, но не смог. «Ну, если так болит, — подумал кот, — значит, я жив». Только сейчас сообразил он, что лежит под насыпью на траве, а вокруг него столпился целый табун лошадей. Лошади смотрели на него, заговаривали с ним, но Микош не понимал ни слова.

— Где же мой поезд? — растерянно спросил Микош.

Лошади тоже не понимали его. Они мотали головами, били о землю копытами и громко ржали.

Из задних рядов пробился вперёд старый гнедой конь с поседевшей гривой и необык-

новенно красивым хвостом. В молодые годы этот конь участвовал в бегах на многих ипподромах мира, он не раз выигрывал Большой приз. Тогда-то он изучил некоторые иностранные языки.

— Да, да, я из цирка, — объяснил ему Микош.

— Только что они со своим цирком проехали мимо, — сказал гнедой.

Лошади поговорили между собой, покачали головами, стукнули копытами, громко заржали и что-то единодушно решили.

Старый конь осторожно ухватил зубами Микоша и посадил его на шею подоспевшей лошади.

— Держись, галопом по кругу!

Микош крепко вцепился тремя здоровыми лапками в гриву лошади.

Свыше ста лошадей, гремя копытами, помчались по зелёной равнине.

«Куда она меня несёт?» — думал Микош, но ему уже всё было безразлично.

Вскоре Микош увидел железную дорогу и на ней длинный поезд.

«А что толку, — думал Микош, — поезд едет и едет, а станции-то нет нигде».

Но лошади знали, чего хотели. Сто лошадей доскакали до поезда, обогнали его и встали на рельсы. Свистя вовсю, приближался паровоз; но лошади стояли как вкопанные.

В пяти шагах от первой лошади поезд остановился. Машинист спрыгнул на землю. Он кричал, бранил лошадей, пытался их отогнать.

Седой скакун вместе с лошадью, на которой сидел Микош, побежали к вагонам. Цирковые звери узнали Микоша. Слон Юмбо затрубил, Хассан на радостях зарычал самым красивым львиным рыком, а верблюд Омар растроганно всхлипнул. Клоун Колопак тут же выпрыгнул из окна вагона, схватил Микоша, дал лошадям каждой по куску сахара и снова поднялся в свой вагон.

Все лошади выстроились в ряд, прощаясь с маленьким Микошем. А старый тигр, злобно урча, метался по клетке. Он страшно злился, что ему не удалось потопить Микоша.

В поезде директор цирка наложил шину на больную лапку Микоша и забинтовал её. Директор был уверен, что лапка вскоре заживёт.

Вечером, едва цирк прибыл в новый город, Юмбо созвал собрание зверей. Все звери пришли, и только старый злобный тигр оставался в своей железной клетке. Он прекрасно понимал, что над ним устроят суд.

Кот Микош показал свою забинтованную лапку и рассказал, каково ему было в гостях у Цезаря.

Юмбо спросил:

— Кто хочет выступить в защиту Цезаря?

Но не было никого, кто сказал бы о нём хоть одно доброе словечко.

— Как мы его накажем? — спросил слон Юмбо.

— Не будем с ним разговаривать! — в один голос воскликнули звери.

— Да будет так! — сказал Хассан.

Приговор был утверждён, и справедливое наказание вступило в силу.

С этой самой минуты ни один зверь не перекинулся словом с тигром Цезарем, никто не слушал того, что говорил он, никто не удостоил его взглядом.

Микошу было по-прежнему хорошо со зверями, но он очень скучал по дому и своему другу Томасу. Большую часть времени кот проводил на постели у клоуна Колопака. Спал. Лапка заживала. Вскоре Микош опять мог выступать на манеже.

Зрители хлопали до боли в ладонях, дети особенно долго не отпускали своих любимцев Хассана и Микоша.

Однажды Микош шепнул на ухо Хассану:

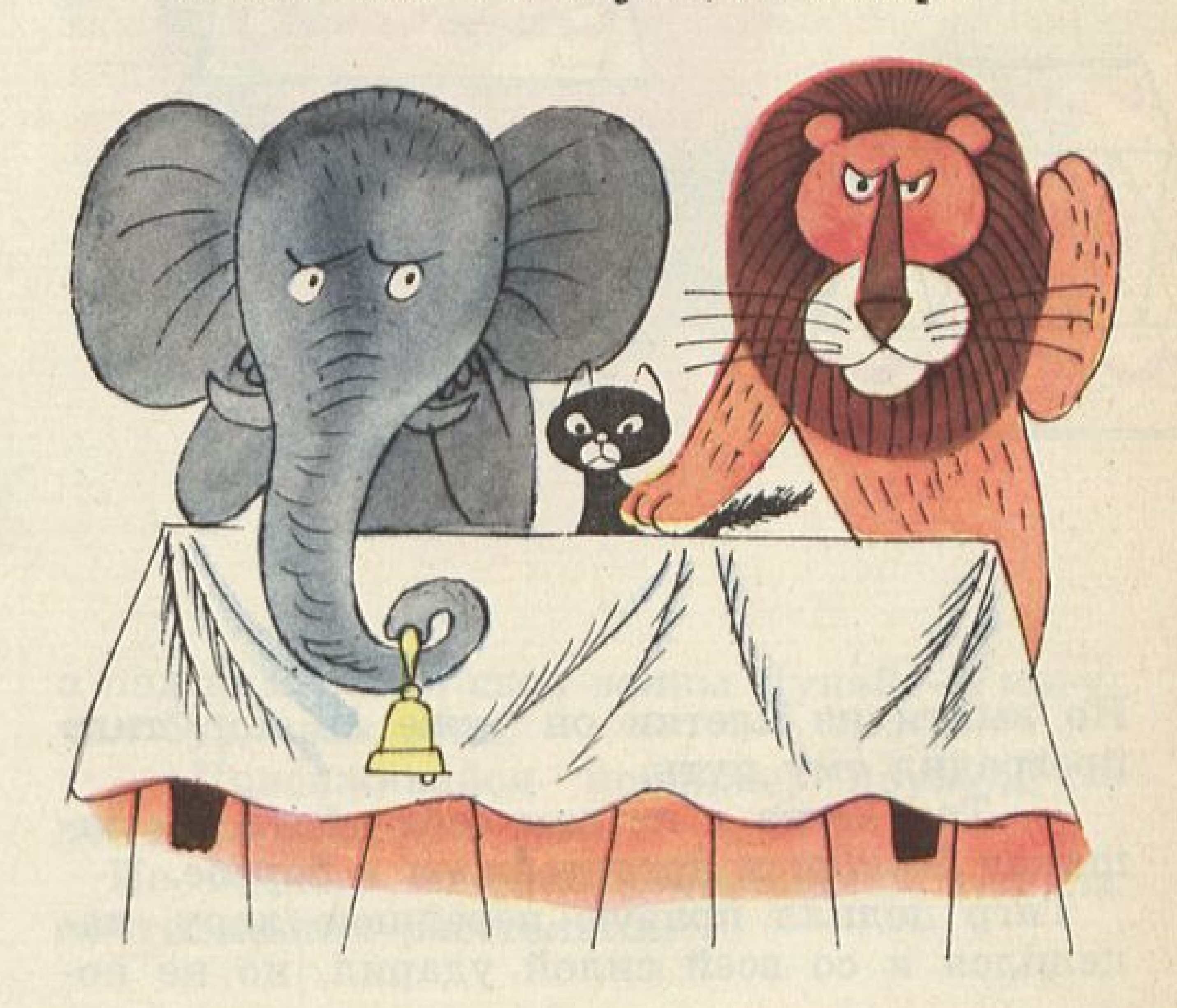
— Скоро ли?

— Скоро, мой маленький братец, скоро ты будешь дома.

И вправду: в красивом, светлом городе клоун почесал Микоша за ухом и сказал:

— Завтра, мой маленький Микош!

Окончание в следующем номере.

ЧАЙКИН ПОДАРОК

С. РОМАНОВСКИЙ

Рис. П. БАГИНА

Отец позвал Ленку в луга — сено посмотреть. Сено лежит в стогах за Большим озером. Издали стога походят на избы — целый посёлок без окон, без дверей.

Получается, что Ленка идёт туда в гости. В гости так в гости. Сено это совхозное: Ленкин отец работает в совхозе капитаном катера, перевозит всякие грузы, но его обязанность не только стоять за штурвалом, а и за сеном приглядывать.

Осенины ясные, идти стриженой землёй любо-дорого, ногам мягко, глазу просторно, дышать легко. Отава мелкими цветами убралась — Ленке на букет.

Букет она не успела набрать — на Большом озере Ленка увидела шесть диких уток, которые плавали посерёдке и смотрели на девочку и мужчину: «Что за люди? Улетать или погодить?»

— А вон чайка плывёт, — сказал отец.

— Где? — встрепенулась Ленка.

За свои десять лет она видела, как плавают утки, гуси, собаки, даже коровы и лошади. И сама умела плавать — руками по дну. Но видеть чайку на плаву ей не приходилось. И девочка побежала туда, куда показывал отец, но он опустил руку.

— Эдак ты ничего не увидишь. Тихонько встань и смотри.

Ленка затаилась около отца и всё высматривала чайку рядом с утками. Но чайка открылась рядом — крупная чистая птица сидела на волне, вся снаружи, и волной же её сносило к Ленкиному берегу. На воде она не походила ни на одну птицу — плыла лодочка, белое загляденье, с кормой на отлёте, с крутой грудью и точёным клювом.

Её парусом развернуло под берег, и Ленка, обеими руками придерживая сердце, колотящееся от радости, боялась, что чайка улетит.

Девочка ненадолго зажмурилась, а когда открыла глаза — чайки уже не было.

— Елена, — сказал отец, — а чайка-то здесь. Мне её сверху видно...

Ленка подбежала к берегу — в лицо сразу задышало водой и ракушками — и увидела чайку. Она держалась на воде между кочками. Прибойной волной чайку несколько раз выкатывало на мель и стукало о глинистый ярок.

Но белая лодочка на воде сидела прямо и не клонила головы, будто ей было совсем не больно. Отец нагнулся и спросил:

— Чайка, а ты не болеешь?

Отец подвёл под грудку пальцы, поднял чайку с воды — птица слабо вздрогнула и осталась сидеть в ладонях, как в гнезде.

Ленка дотронулась до чайкиной спины и отдёрнула руку: только что из холодного озера, а такая ты тёплая и сухая, чайка...

Отец сказал, глядя в испуганные Ленкины глаза:

— Елена, она, наверное, ранена. Давай посмотрим, куда попала дробь.

Вместе с отцом они перебирали всю птицу пёрышко по пёрышку, и отец спрашивал тёмный, мокрый глаз чайки:

— Кому ты мешала? Кому? Я своего помощника за чайку с работы уволил.

— За эту? — спросила Ленка.

— За другую. Та была потемнее. Разве можно убивать красоту? А он, дурошлёп, подманил хлебом и хлопнул из ружья.

Ранения они не обнаружили, и отец сказал:

— Елена, она не раненая, а ушибленная. Молодая она ещё! Кинулась за рыбой, сгоряча не рассчитала — и стукнулась головой об воду. Мы её, Елена, на тот берег отнесём и в воду отпустим. Там волны нет, и у неё голова пройдёт.

На том берегу отец опустил чайку на воду под заслон тальников и, пригнувшись, поманил Ленку рукой.

— Давай сюда, Елена, — сказал он. — Посмотрим, что она будет делать.

Ленка на цыпочках подобралась к тальникам и замерла. В оконце из жёлтых и красных листьев она увидела чайку — птица сидела белой лодочкой на тихой воде. Ленка рассматривала птицу долго, ничего нового не увидела и стала глядеть по сторонам — на серое небо и жёлтую землю. Отец нагнулся и щекотно зашептал в Ленкино ухо:

— Жива будет: воду пьёт!

Ленка кинулась к оконцу — чайка повернула голову на шум, взмахнула крыльями (они оказались огромными) и поднялась над озером. Отец и Ленка выбежали из тальника, чтобы получше разглядеть её в полёте, но чайки уже не было. Вернее, она была — над водой кружились несколько белых птиц, но, которая из них была та самая, отец и Ленка теперь не знали.

— Утки-то не улетают, — сказал отец. — Все шесть грудкой и держатся. Знают, кого бояться, а кого — нет. Пойдём, дочка, пока светло, сено смотреть.

Вблизи стога тоже походят на избы — правда, рубленные без топоров и гвоздей. И хозяева дома не живут или куда-то вышли. Вон тот стожок — как человек: копьём подпёрся, задумался. На копье вещий ворон сидит.

Отец с Ленкой обошли все стога.

Где сено торчит или рассыпано — до сенинки подберут, под верхний пласт заправят, огладят и для верности ещё ветреницей прижмут. Стоит стог гладкий, в ветреницах-талинах, нутро у него тёплое — там всю зиму лето, там медовое сено, от него самое густое молоко. Ветров или мороза такой стог не боится. Выпадет снег — прибегут к стогам полозницы — конные или тракторные сани...

Пора было уходить домой, но Ленка почувствовала, что кто-то смотрит на неё, и огляделась. Из отавы выглядывал грибок. Грибы в этом году — редкость, никто больше закрытого донышка не приносил, и Ленка кинулась к своей находке.

Грибок был нарядный: сверху белый, изнутри розовый, ножка с колечком. И пахло от него очень вкусно. Ленка проглотила слюну, спрятала грибок в карман пальто, вздохнула и увидела отца. Отец ходил взад-вперёд по отаве и собирал грибы в карманы плаща.

Ленке стало обидно, что отец без предупреждения собирает грибы и ей не догнать его. Как это не догнать? Из отавы, встав на цыпочки, за ней следили сразу три гриба.

— Я почти что пять грибов нашла! — запрыгала Ленка.

Отец остановился и спросил:

— Сколько же это будет?

Но у Ленки язык отнялся — она обнаружила, что вокруг неё всё усыпано грибами. Никогда в жизни она не видела сразу столько грибов. И, боясь, что они убегут, Ленка бросилась собирать их обеими руками и складывать в карманы.

— Елена, — остановил её отец. — Погоди, Елена. Вот моя фуражка. Будешь таскать в ней вон туда на бугорок. Я там плащ расстелю.

Фуражка была с «крабом», тяжёлая и твёрдая, как кастрюля, но носить в ней грибы шампиньоны удобно, не то что в карманах — не мнутся, не крошатся.

Росли грибы хитро: по стоговищам — остаткам прошлогодних стогов, по ложбинкам глубиной с напёрсток, прижимались к заросшей дороге.

Ленка замаялась носить грибы в фуражке и ссыпать их на отцовский плащ — под бело-розовой грудой его уже не видно.

Отец несколько раз говорил «пойдём домой», но Ленка выпрашивала: «Ещё одну фуражку, последнюю», и таких последних фуражек у неё набежало много, и не было им видно конца.

— Елена, — рассердился отец. — У меня голова озябла. Дай-ка сюда фуражку. Вот простынем — и влетит нам от матери...

Ленка отдала ему фуражку, обессиленная, села рядом и сидела, пока он в плащ аккуратно увязывал грибы.

— Вот дома удивятся, — счастливо говорила Ленка. — Спросят: где вы взяли столько грибов? А мы что скажем?

Отец улыбнулся, отряхивая фуражку:

— А мы скажем, что чайка прислала. Так и скажем: это чайкин подарок.

Он надел фуражку и посмотрел за стога. Посмотрела туда и Ленка — на серебряный клинышек Большого озера.

Они пошли домой наискосок через луга. Впереди — девочка с тёмными от грибов ладошками. За ней высокий мужчина с полным мешком за спиной, связанным из бывалого капитанского плаща.

30:6X5=

МУРЗИЛКИНЫ ИЗВЕСТИЯ

Серёжа обещал подтянуться в ученье. Но ему удалось это сделать только по одному предмету — по физкультуре на турнике.

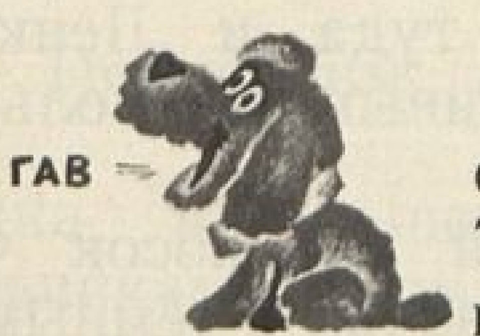

Гену Селезнёва за плохое поведение учительница каждый день оставляла после уроков. Гена обещал исправиться и не оставаться после уроков. Он попросил разрешения приходить в школу на час раньше и отсиживать положенное время до начала занятий.

Петя Климович на лето решил позабыть таблицу умножения. Каждое утро он повторяет:

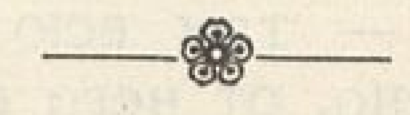
— Дважды два — не четыре. Дважды три — не шесть. Дважды четыре — не восемь...

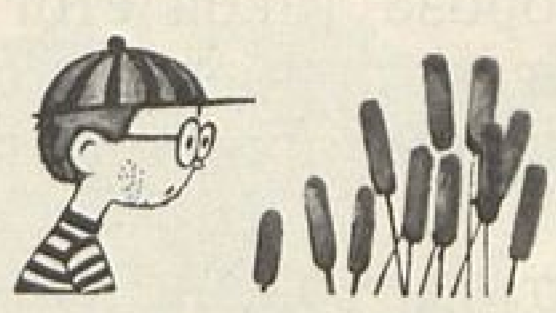

Юра Захаров учит свою собаку считать. Так как дрессировку надо начинать с маленьких цифр, Юра показывает ей свой дневник.

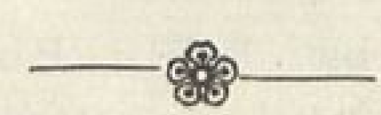

Ученица первого класса Лена Трошкина пришла в школу в разных чулках. Оказалось, что её бабушка потеряла очки. До тех пор пока бабушка не купит новые, Лене придётся одеваться самой. В трудном положении оказалась девочка.

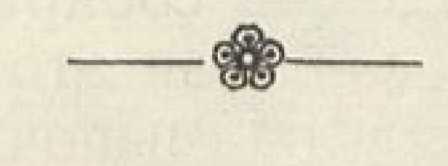

Вадик Комаров приехал на лето из города в деревню. Исследуя окрестности, он обнаружил огромные заросли эскимо. К сожалению, мороженое оказалось совершенно несъедобным. Позже Вадик узнал, что оно и называется по-другому: камыш.

Гена Глинков — самый смелый в деревне. Он не побоялся пробежать в одних трусиках сквозь густую крапиву, когда к нему подошла бодучая коза Барыня.

Слава Леонов обещал родителям, что они не увидят в его дневнике ни одной плохой отметки. Но для этого ему понадобится одна копейка. На вопрос, каким образом ему поможет копейка, Слава ответил:

— Я куплю на неё чернильную резинку.

Когда учительница хотела поставить двойку Славе Канаеву, он попросил поставить единицу. Как выяснилось позднее, папа обещал пойти с ним в зоопарк, если Слава не будет иметь двоек.

В этом году Митя перешёл в новый класс. В прошлом году он был во втором «А», а теперь во втором «Б».

Слава Соломин обещал больше не пачкать тетрадки и учебники, он уже второй день не дотрагивается до них.

За плохое поведение родители ставят Игоря Малинина в угол. Мечта Игоря — стать архитектором и строить дома с круглыми комнатами.

Привычка оборачиваться во время урока помогла Мише Карцеву увидеть свой затылок. Он запечатлён на фотографии учеников 2-го класса «А», снятой на память о прошедшем учебном годе.

Сообщили наши корреспонденты
В. КАНАЕВ, Ф. КУРИЦ, Е. МАТВЕЕВ, А. МОШКИН

КИНОСТУДИЯ

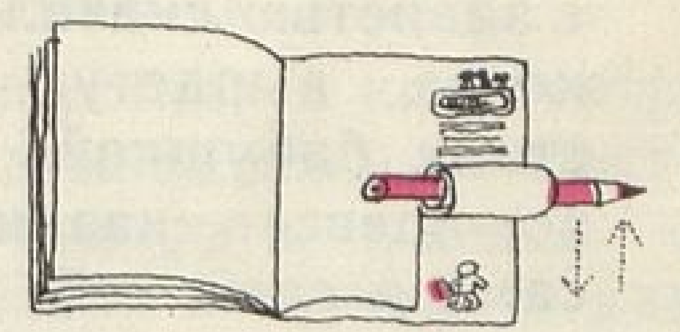
ПОКАЗЫВАЕТ
ЦВЕТНОЙ МНОГОСЕРИЙНЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

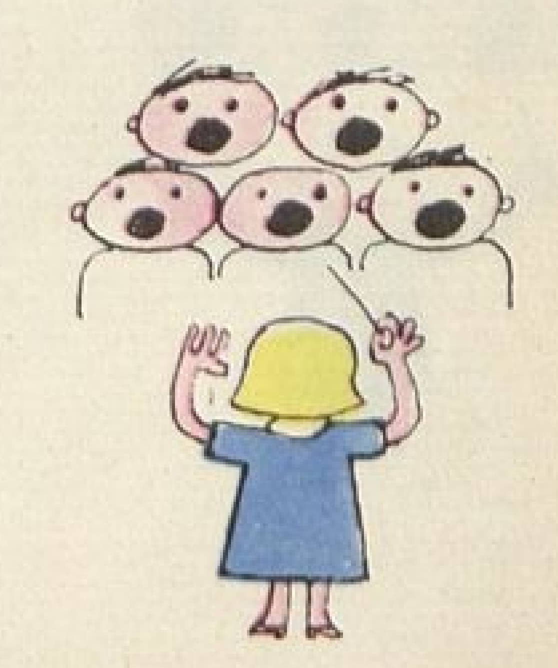
„ОДИН ДЕНЬ ПЕТИ ВАТРУШКИНА“

6-я СЕРИЯ

„УРОК ПЕНИЯ“

Сделай так

КУЧА МАЛА КУ
ЛА КУЧА МА
ЧА МАЛА
КУЧА
КУЧА МАЛА
КУЧА МАЛА
КУЧА МАЛА
ЧА МАЛА

В. БЕРЕСТОВ

БОЛОНКА

Вот болонка из болонок:
Избалована с пелёнок!
Сколько шерсти,
Сколько злости
При таком ничтожном росте!

Е. МАТВЕЕВ

ВСЁ ВПЕРЕДИ

— Хорошо быть бабушкой! — с завистью сказала Лена. — Я, когда вырасту, обязательно стану бабушкой, и тогда уж все-превсе сказки буду знать сама и сама себе их буду рассказывать.

А. КОНДРАТЬЕВ

УТРОМ

Оказывается,
Оказывается,
Солнце не сразу показывается!
А сначала
Выставит краешек
И осветит
Маленький камешек,
А потом —
Большущую гору!

Только все мы спим в эту пору

Рис. Н. ВАСИЛЕВСКОЙ, Н. КУЧБОРСКОЙ

«СМЕШИНКИ»

— Какие животные имеют четыре ноги?
— Кот, собака, корова, конь.
— А ещё?
— Две курицы.

— Миша! Сколько будет, если к шести прибавить два?
— Одиннадцать.
— Думай лучше.
— Девять.
— А может, восемь?
— Не может быть. Восемь будет, когда к четырём прибавить четыре.

Пионерский отряд отправился в поход.
— В каком направлении мы идём? — спрашивает вожатый.
— На юг, — отвечает мальчик.
— Почему ты так думаешь?
— А мне становится жарко.

— Петя! Назови мне трёх зверей, которые живут в Африке.
— Два крокодила и один лев.

— Коля! Почему ты не выполнил домашнее задание?
— Дедушка вчера очки разбил.

— Какая разница между морем и рекой? — спросил учитель.
— Море — с одним берегом, а река — с двумя, — уверенно ответил Коля.

Мама вернулась с работы и говорит:
— Дети, меня угостили яблоками. Их три, а вас четверо. Как мы их будем делить?
— Свари компот, — посоветовал младший сын.

ИЗ БЕЛОРУССКОГО ЖУРНАЛА «ВЕСЁЛКА»

Ю. ЕРМОЛАЕВ

ЧТО ТЫ УМЕЕШЬ?

Во второй класс пришёл новичок. Анна Петровна посадила его с Таней Прохоровой. Помолчала Таня немножко, а потом тихонечко похвасталась:

— Я умею на пианино «Чижика» играть... Умею на одной ножке крутиться... Петухом кукарекать... Кошку Барсика дрессировать и ещё лепёшки с вареньем печь... А ты что умеешь?

— Учительницу слушать, — ответил новичок.

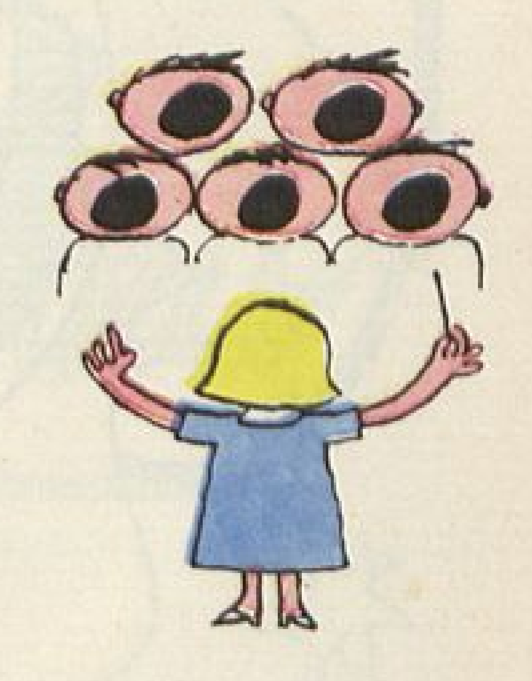
НАХОДЧИВАЯ ВЕРА

Веру не пропустили в кинотеатр.

— Этот фильм детям до шестнадцати лет смотреть нельзя, — сказал контролёр, — а тебе в два раза меньше.

— Ну что же, тогда я посмотрю только половину фильма, — ответила Вера.

А. МОШКИН

Георгий ЛАДОНЩИКОВ

Его сиятельство электроток

Рис. И. КАБАКОВА

Он бежит по проводам
К лифтам
И троллейбусам.
Он электропоезда
Мчит по звонким рельсам.

Под плотиною
В турбины
Шумно падает вода.
Шлют могучие машины
Ток в электропровода.

Нагревает утюги,
Плитки,
Самовары.
Ток печёт нам пироги
И обеды варит.

Можно шить,
Стирать,
Паять
Током электрическим.
И надёжно управлять
Кораблём космическим...
Сразу замерли
Сверло
И электромолот,
Холодильник без него
Растерял бы холод...
Если б ток прервался
вдруг,
Было б очень плохо:
Сразу б свет погас
вокруг,
Радио заглохло.
Ток, хотя и невидим, но везде необходим
62:2=

24679

Рис. Ю. МОНЕТОВА

Редактор **А. МИТЯЕВ**

Редколлегия: **З. Александрова, С. Алексеев, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. редактора), **Ю. Казаков, М. Коршунов, Ю. Молоканов, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв, В. Чижиков.**

Художественный редактор **А. Семёнов.**
Технический редактор **В. Лубкова.**

Год издания сорок шестой.

Сдано в набор 11/IV 1969 г. Подписано к печати 28/IV 1969 г. Формат 84×108 1/16. Печ. л. 2 (усл. 3,36). Уч.-изд. л. 4. Тираж 5 600 000 экз. Цена 10 коп. Заказ 493.

Адрес редакции, издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон 250-45-08.

Цена 10 коп. **Индекс 70553**

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ВОИНОВ НАШЕЙ АРМИИ

Ушанка

Панама (для южных районов)

Фуражка морского офицера

Шлем танкиста

Солдатская пилотка

Матросская бескозырка

Папаха генерала

Берет морского пехотинца

Фуражка офицера

Гермошлем лётчика

8:4X16=